

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

П. А. Ореховский¹

Институт экономики РАН (Москва, Россия)

УДК: 330.88

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ МИФА ПЕТРА I В НОВОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОЛОГИИ²

Привычный образ Петра I в нынешнем общественном мнении — великий российский император, осуществивший глубокую модернизацию России, позаимствовав лучшие образцы западной культуры, создавший флот, построивший новую столицу России — Санкт-Петербург, одержавший ряд крупных военных побед. Тем не менее многие историки оценивают достижения Петра I как весьма противоречивые: расположение новой столицы было выбрано весьма неудачно, резкий рост налоговых изъятий неоднократно приводил к голоду в империи, что, в свою очередь, привело к сокращению населения в «старых» российских землях. Впоследствии часть дорогостоящего флота сгнила, слишком большую армию пришлось сократить, столица на какое-то время вернулась в Москву. Резкое укрепление абсолютизма сопровождалось усилением закрепощения крестьян, культурные нововведения, включавшие образование, распространялись лишь на очень узкий слой дворянских детей. Отсталые сословные институты препятствовали не только технологическим инновациям, но и свободе предпринимательства. Принятие Табели о рангах обострило проблему отношений «принципала — агента», сопровождавшуюся не только ростом коррупции и фаворитизма, но и ставшей с тех пор традиционной для России дихотомии «богатое государство — бедное население». Поэтому в свете анализа с позиций новой политической экономии оценка реформ Петра I выглядит скорее отрицательно, вклад этого политического деятеля выглядит несопоставимым как с достижениями Алексея Михайловича «Тишайшего», так и с реформами Александра II «Освободителя». Однако эти государственные деятели почти не присутствуют в современном российском общественном мнении. Этот парадокс в статье раскрывается через применение инструментарий политической теологии — Петр I является необходимой фигурой современной либерально-патриотической «гражданской религии», в то время как Александр II, напротив, связан с «комплексом вины» российской интеллигенции, и его реформы необходимо характеризовать в негативном свете. Это во многом предопределяет предустановки современных исследователей. При этом сакральность образа Петра I таит в себе опас-

¹ Ореховский Петр Александрович — д.э.н., профессор, главный научный сотрудник, зав. сектором Философии и методологии экономической науки, Институт экономики РАН; e-mail: orekhovskypa@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2816-1298.

² Статья подготовлена на основе доклада и дискуссии на конференции «Парадоксы петровских преобразований: выводы для экономики современной России», посвященной 350-летию Петра Первого, 21 сентября 2022 г., МГУ.

ность упрощенного технократического подхода при попытках решения современных экономических проблем, которые стоят перед Россией.

Ключевые слова: политическая теология, проблема принцепала — агента, цена реформ, Петр I, модернизация.

Цитировать статью: Ореховский, П. А. (2023). Амбивалентность мифа Петра I в новой российской политической теологии. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 58(2), 114–125. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-2-7>.

P. A. Orekhovsky
IE RAS (Moscow, Russia)
JEL: B41, B50, N12

AMBIVALENCE OF THE MYTH OF PETER THE GREAT IN THE NEW RUSSIAN POLITICAL THEOLOGY¹

The usual image of Peter I in the current public opinion is the great Russian emperor, who carried out a deep modernization of Russia, borrowing the best examples of Western culture, created a fleet, built a new capital of Russia — St. Petersburg, won a some of major military victories. Nevertheless, many historians assess the achievements of Peter the Great as very controversial: the location of the new capital was chosen very poorly, a sharp increase in tax exemptions repeatedly led to famine in the empire, which, in turn, led to a reduction in the population in the old Russian lands. Subsequently, part of the expensive fleet subsequently rotted, too large an army had to be reduced, the capital returned to Moscow for a while. The sharp strengthening of absolutism was accompanied by an increase in the enslavement of the peasants. Cultural innovations, including education, extended only to a very narrow layer of noble children. The backward class institutions hindered not only technological innovation, but also the freedom of enterprise. The adoption of the Table of Ranks exacerbated the problem of the “principal — agent” relationship, which was accompanied not only by the growth of corruption and favoritism, but also emergence of the dichotomy “rich state — poor population”, which has since become traditional for Russia. Therefore, in the light of the analysis from the standpoint of the new political economy, the assessment of the reforms of Peter the Great looks rather negative, the contribution of this politician looks incomparable both with the achievements of Alexei Mikhailovich “The Quietest” and with the reforms of Alexander II “The Liberator”. However, these statesmen are hardly present in contemporary Russian public opinion. This paradox is revealed in the article through the use of tools of political theology — Peter the Great is a necessary figure in the modern liberal-patriotic “civil religion”, while Alexander II, on the contrary, is associated with the “guilt complex” of the Russian intelligentsia, and his reforms must be characterized in a negative way. This largely predetermines the presets of modern researchers. At the same time, the sacredness of the image

¹ The article was prepared on the basis of the report and discussion at the conference «Paradoxes of Peter’s reforms: implications for the economy of modern Russia», dedicated to the 350th anniversary of Peter the Great, September 21, 2022, Moscow State University.

of Peter the Great is fraught with the danger of a simplified technocratic approach when trying to solve modern economic problems facing Russia.

Keywords: political theology, principal — agent problem, price of reforms, Peter I, modernization.

To cite this document: Orekhovsky, P. A. (2023). Ambivalence of the myth of Peter the Great in the new Russian political theology. *Lomonosov Economics Journal*, 58(2), 114–125. <https://doi.org/MSU0130-0105-6-58-2-7>.

Парадокс Петра I. Политическая теология и новая политическая экономия

Петр I — постоянный член российского пантеона великих государственных деятелей-реформаторов. В отличие от других царей и императоров, и уж тем более руководителей советского государства, он всегда остается среди главных фигур, формирующих российское историческое сознание. Принципиально, что к Петру апеллируют все поколения интеллигенции — дореволюционной, советской, постсоветской¹. Однако экономический успех реформ Петра более чем сомнителен — население «коренных» (не завоеванных) территорий сократилось, Россия несколько раз переживала «голодные» годы. После смерти Петра столица вернулась в Москву, часть флота из дорогостоящих парусных кораблей была потеряна (корабли сгнили), армию пришлось существенно сократить. В целом политические достижения Петра выглядят намного скромнее, чем его отца, вошедшего в историю с определением «Тишайший»: именно при Алексее была заключена Переяславская Рада, проведена первая церковная реформа. Причем все это было достигнуто намного меньшей ценой — численность населения увеличивалась, оценки историков говорят и о приросте душевого дохода. Но памятники Алексею, в отличие от многочисленных статуй и бюстов Петра, в современной России трудно найти². Это тем более удивительно, что начиная со второй половины 1990-х гг. в России доминирует дискурс «экономического», самые разные реформы рассматриваются в терминах «цен» и «издержек», а фигуры политических

¹ Характерным примером изменения отношения к Петру I является творчество А. Н. Толстого. В рассказе «День Петра» (1918) это злой и жестокий правитель, «антихрист»; в пьесе «На дыбе» (1929) этот образ сохраняется. Но в известном (и впоследствии экранизированном) романе Петр уже становится «прогрессивным историческим деятелем», реформатором России.

² В этом отношении концепция «круговой колеи» (порочного круга), в котором якобы два века «кружилась» Россия, предложенная в докладе Л. М. Григорьева на упомянутой выше конференции, выглядит весьма странной. Траектория развития России, конечно, не была непрерывным экономическим ростом, но от Смуты до Петра она характеризовалась устойчивым восходящим трендом. Характеристика «круговой колеи» гораздо больше подходит к Польше, пример которой Л. М. Григорьев почему-то игнорирует.

деятели подвергаются анализу с точки зрения «эффективности» их деятельности. Собственно, и парадокс Петра I заключается в сочетании его *популярности* (включая и нынешнее празднование 350-летия с года его рождения) и *экономической неэффективности*. Опираясь только на экономические оценки, объяснить этот парадокс невозможно.

В то же время фигура Петра I вполне вписывается в рамки определенной гражданской религии, в отношении которой, собственно, и используются основные понятия современной политической теологии. Последняя представляет собой направление политического анализа, которое стало активно развиваться во второй половине XX в. С одной стороны, в его основе лежит очень старый тезис о сакральности государственной власти, с другой — постмодернистский подход, различающий легитимность и легальность функционирующего политического режима. Яркими представителями этого течения являются Э. Фегелин, Э. Джентиле, Дж. Агамбен; в СССР о сходстве марксизма — ленинизма с гражданской религией писал С. Фурман (Фегелин, 2021; Джентиле, 2021; Агамбен, 2011; Фурман, 2011).

Между политической теологией и привычной для экономистов новой политической экономией, обязанной своему возникновению теории общественного выбора, существует принципиальное различие. Для политической теологии важна *общая* история государства, которая *выглядит непрерывной* и не только предопределяет легитимность действующих политических и экономических институтов, но и во многом ограничивает допустимые варианты действий политических акторов в ближайшей и среднесрочной перспективе. Новая политическая экономия, в соответствии с традицией неоклассического мейнстрима, наоборот, склонна игнорировать исторические и культурные факторы, вводя предпосылку о том, что основные акторы действуют в соответствии со своими интересами. В краткосрочной перспективе их действия ограничиваются системой действующих институтов — здесь новая политэкономия делает определенную уступку теологии, признавая реальность «эффекта колеи» (path dependence), однако уже в среднесрочной перспективе, в ходе общественного выбора происходит процесс изменения институционального дизайна. Акторы меняют законы (а следом и институты) «под себя», сакральность государства и его истории не принимается ими в расчет. В качестве примеров такого анализа необходимо упомянуть работы Дж. Бьюкенена и Г. Таллока, М. Олсона, А. Сена (Бьюкенен, Таллок, 1997; Олсон, 1995; Олсон, 2013; Сен, 2016). В настоящее время новая политэкономия представляет собой большое и уважаемое направление экономической теории, широко применяемое к анализу политических решений.

Выбор аналитического инструментария кажется простым — экономисты-институционалисты используют дискурс новой политэкономии, политические философы, помимо традиционной политологии, часто обращаются и к политической теологии. Зачастую это приводит к тому,

что институционалисты и политологи «говорят на разных языках». Сама по себе это обычная ситуация нынешнего постмодернистского плюрализма реальности.

В то же время не все так просто. Структура когнитивности экономического сообщества подвержена своим ограничениям, которые накладываются как эндогенно (рамками доминирующих теоретических концепций), так и экзогенно — конвенциональными представлениями о легитимности функционирующих государственных институтов. Несмотря на то, что экономисты бессознательно стараются придерживаться позитивистского детерминизма, политическая теология оказывает влияние и на их взгляды. Образ Петра в произведениях А. С. Пушкина обладает сакральностью успешного реформатора, «поднявшего Россию на дыбы», создавшего империю, сделавшего выбор в пользу «европейской цивилизации», отказавшегося от темного варварства и «азиатчины»; таким образом, Петр, получается, дал толчок началу *модернизации и вестернизации* России; публично критиковать этот образ — то же самое, что оспаривать благотворность прогресса. Критик петровских реформ заведомо ставит себя в маргинальное положение. Тем не менее, если экономист безоговорочно принимает петровские реформы, необходимо понимать, что именно он принимает и от чего отказывается.

Стоит еще раз подчеркнуть, что новая политическая экономическая экономия и политическая теология рассматривают разные реальности, используют разные дискурсы. Человек религиозный (пусть даже этой религией является экономическое учение К. Маркса) в основе своей использует другой алгоритм принятия решений, другие оценки, нежели человек экономический. И в этом отношении нельзя говорить о том, что экономисты правы, а политические философы ошибаются. Справедливо и обратное.

Коротко о петровских реформах. Контрфактическая модель

Петровские реформы можно сгруппировать, с некоторой долей произвольности¹, в три большие группы:

- 1) военно-политические: а) переход к «войскам линейного строя», заимствованного у европейских армий (в первую очередь, у шведов), строительство военного флота; б) введение новой Табели о рангах, а заодно — учреждение коллегий; в) учреждение новой столицы, переезд двора из Москвы в Санкт-Петербург;

¹ По-видимому, и сам Петр I, и многие его современники, как и часть нынешних сторонников теории модернизации, не разделяли эти мероприятия на разные группы, принципиально придерживаясь необходимости *комплексного заимствования*. Табель о рангах, «немецкое платье», флот, полки «линейного строя» — все это было необходимо было внедрять вместе со знаменитым пьянством на «ассамблеях», увеличением налоговых изъятий и ростом закрепощения крестьян.

- 2) политико-экономические: учреждение мануфактур и заводов — в первую очередь, для снабжения армии. При этом стоит подчеркнуть, что такие меркантилистские мероприятия осуществлялись в рамках «частно-государственного» партнерства. Купцы во многом зависели от благоволения чиновников;
- 3) культурные — перенос в Россию европейского платья и обычаев, введение образования (в том числе зарубежного) для детей высшей российской знати.

Большая часть этих реформ, как уже говорилось, закончилась крахом, за исключением укрепления армии и флота. Особенно трагичным в долгосрочном отношении были два петровских эксцесса: строительство Петербурга и насаждение новых культурных практик. Историки, включая таких авторитетов, как Н. Карамзин и П. Милюков¹, указывают, что именно строительство Петербурга привело к резкому увеличению налогов на крестьян (С. Нефедов оценивает увеличение тяжести налогов по сравнению с допетровским временем в 8 (!) раз (Нефедов, 2011, с. 113)). При этом строительство Петербурга «хуже, чем преступление — это ошибка»; к тому времени Россия уже контролировала Ревель (Таллин), Ригу, Нарву — размещение новой столицы в этих — по сравнению с Санкт-Петербургом — глубоководных портах было бы намного дешевле и выгоднее, не говоря уже о последствиях для великорусского этноса, наступивших в XX в. Хуже была только первоначальная фантазия Петра — строительство новой столицы на острове Котлин. Итогом налогового перенапряжения стало сокращение населения «старых» русских губерний (Милюков оценивает это сокращение в 20%, Карамзин — в 13%), такое сокращение вполне сопоставимо с депопуляцией российских земель при Иване Грозном и результатами коллективизации и чисток И. В. Сталина.

В свою очередь, насаждение новых культурных практик не только привело к сопротивлению старой знати, но и к учреждению Преображенского приказа — тайной службы, весьма напоминавшей «опричников» Ивана Грозного и чекистов В. И. Ленина под предводительством Ф. Э. Дзержинского. Репрессии против тех дворян, кто носил старую русскую одежду и бороды, по своей жестокости были несопоставимы с гонениями на стилиг в 1950-х гг., однако у нынешней российской интеллигенции петровский сюжет не вызывает ни интереса, ни сочувствия². В долгосрочной пер-

¹ Об этом свидетельствуют и данные переписи 1710 г., как указывает С. Нефедов (Нефедов, 2011, с. 116).

² В забавном российском мюзикле «Стиляги» главные герои отстаивают свое право на западные прически, одежду, музыку; они противостоят «серой массе» советских людей, которые живут и делают свои карьеры в рамках советских стандартов. Если бы основную коллизию фильма перенести в петровские времена, то отстаивавших право на ношение своей одежды и причесок дворян ждали бы не коллективные «проработки» на комсомольских собраниях, а дыба и палач. Мюзикл превратился бы в триллер. Но такие сопоставления

спективе это привело к длительному расколу населения на «два народа». Крестьяне стали воспринимать, по свидетельству современников, своих дворян то ли как «немцев», то ли как «французов»; последние же практиковали по отношению к крестьянам то, что сейчас бы назвали практикой «социального расизма». Ни о каких социальных лифтах и вертикальной социальной мобильности не может быть и речи; исключения вроде М. В. Ломоносова (с его статусом помора = «вольного казака») только подтверждают правило. В отношении «свободы предпринимательства» и «защиты собственности» все было ровно наоборот: петровский абсолютизм только укреплял неравенство граждан перед законом, причем удельный вес бесправных, закрепощенных людей при его правлении увеличился.

На мой взгляд, главное негативное последствие того политико-экономического режима, который был создан в результате петровских реформ, заключается в появлении принципиально нового характера бюрократии и, как следствие, возникновении проблемы принципала — агента. Прежняя «местечковая» система основывалась (как и в Европе) на знатности тех или иных родов, которая корректировалась царем в связи с заслугами того или иного дворянина. Введенная Петром Табель о рангах внешне была похожа на веберовский идеал бюрократии, но в полуфеодальных российских условиях XVIII в. она просто заменила принцип родовитости на принцип полной лояльности императору. Тем самым Петр ликвидировал остатки «боярской вольницы», а заодно и ее представительных учреждений. С Петра начинается этап российского абсолютизма.

С точки зрения новой политэкономии абсолютизм — это, конечно же, иллюзия, за которой стоят сложные отношения принципала (монарха) и его агентов, исполняющих множество разнообразных функций. В число этих функций включались и хозяйственные: без одобрения чиновников купцы не могли ни строить заводы, ни открывать мануфактуры. При этом в условиях абсолютизма принципал легко мог экспроприировать данную собственность (такое положение не было чем-то исключительным; например, как пишет Д. Норт с соавторами, такие случаи были распространены и в Англии вплоть до 1688 г. (Норт и др., 2011)). Однако именно здесь лежат

деятелям современной российской культуры просто не могут прийти в голову, более того, то обстоятельство, что «Петр-то бороды рубил» встречается с явным одобрением, как очевидный признак модернизации. Нельзя не отметить, что такие модернизационные победы привели к тому, что во второй половине XX в. в РСФСР практически исчезла крестьянская одежда, так что колхозники были вынуждены одеваться в брюки и пиджаки или оставшиеся после воинской службы галифе, чтобы пойти пасти скот или сесть за руль трактора. Зато одежда американских фермеров и рабочих стала непрменной деталью экстерьера «стиляг».

Отметим также, что — в такой сегодняшней псевдолиберальной логике — модернизация России в XXI в. невозможна без заимствования западных культурных практик, включая в себя гей-парады, легализацию легких наркотиков и полную институционализацию прав ЛГБТ-движения.

корни известного российского противоречия между богатым государством и бедным населением, появление своеобразной «петровской номенклатуры», в которую входила и «интеллигенция».

Среди современных историков достаточно распространены оценки, получаемые с помощью «контрфактических моделей». Появление таких связано с работами группы клиометристов, к которым принадлежали будущие нобелевские лауреаты Р. Фогель, Д. Норт, соавтор М. Фридмена по изучению «монетарной» истории США А. Шварц, известный экономист А. Гершенкрон и др. Воспользуемся простой версией подобной контрфактической модели, поставив вопрос — а как бы шло экономическое развитие России, если бы Петра I не было? В отношении отдельных политических деятелей такие вопросы уже ставились — А. Ноув в свое время представил работу на тему «нужен ли был Сталин?» (Nove, 1964), аналогичным вопросом задавался сравнительно недавно Г. Дерлугьян применительно к А. Пиночету и его реформам (Дерлугьян, 2009). Выводы этих работ весьма неожиданны — по оценкам Ноува и Дерлугьяна, Россия и Чили развивались бы примерно такими же темпами, и пришли бы примерно к той же самой структуре хозяйства при выводе указанных политических деятелей предпринятых ими мероприятий за рамки экономической истории. Но такой вывод, на мой взгляд, полностью правомерен и в отношении Петра I — без его реформ Россия развивалась бы быстрее, сохранила и приумножила население, а не наоборот. Об этом свидетельствует и период после смерти Петра — столица вернулась в Москву, большая часть флота сгнила, из-за невозможности финансирования часть армии пошла под сокращение, заодно были снижены налоги, а короткое царствование Петра II, который во многих отношениях был противоположностью Петру I, историки оценивают в восторженных тонах. Это было восстановление традиционализма. Самое любопытное, что при приглашении на трон Анны Иоанновны тогдашняя знать в лице Тайного совета пыталась добиться от нее заключения «кондиций» вполне в либерально-демократическом духе; но она — уже наследуя Петру I — отвергла кондиции.

Естественно, здесь необходимо сделать оговорку в отношении военнополитических мероприятий. Исходя из тогдашней внешнеполитической конъюнктуры, военный конфликт с Швецией, по-видимому, был неизбежен. Однако анализ с позиций новой политической экономики ничего не может сказать о военных талантах условной исторической фигуры, некоего X — продолжателя политики Алексей Михайловича, который используется в контрфактической модели в качестве альтернативы Петру.

Таким образом, экономические мероприятия Петра можно оценить только отрицательно. Ни о каких институтах, которые считаются необходимыми в рамках теории модернизации, здесь не было и речи. Наоборот, закрепощение крестьян усилилось, *как увеличилось и неравенство различных групп населения перед законом*. Усугубилась проблема принципала —

агента. Государство «разрослось», сильно увеличив налоговые изъятия, которые направлялись не только на укрепление военной мощи России, но и на строительство петербургских дворцов, всепьянейшие соборы и ассамблеи и прочее демонстративное потребление петровского двора. Выражаясь современным языком, большая часть сбережений вместо того, чтобы направляться на инвестиции, тратилась на предметы роскоши. Это никак не могло способствовать экономическому росту в полуфеодальной стране.

Петр I в свете политической теологии. Современная Россия и проблема модернизации

Те россияне, которые празднуют 350-летие Петра, по идее должны были бы праздновать и юбилеи Ивана Грозного и И. В. Сталина. В соотношении результаты — издержки реформ эти государственные деятели намного уступают Б. Н. Ельцину¹, не говоря уже о таких действительно великих и успешных реформаторах, как Алексей Михайлович Романов и Александр II. Однако двухсотлетие со дня рождения Александра II в 2018 г. прошло незамеченным, про 390-летие «Тишайшего» в 2019 г. вообще не вспоминали. Для новой политической экономии — и историков мысли этот феномен — слепое пятно. Однако с позиций политической теологии вопрос о неизменности положения Петра I в российском государственном пантеоне на фоне игнорирования того же Александра II — банальность.

Не входя в обсуждение социологических определений «интеллигенции», «элиты», «господствующего класса», подчеркну, что во всех этих российских социальных группах имеется консенсус в отношении фигуры Петра I как великого реформатора. Отрицательно к сакральности этой фигуры относились крестьянство и духовенство. Крестьянское сознание, как и соответствующая историческая память, не представлены в современном политическом порядке (в том числе практически не анализируются историками), для российского духовенства (прежде всего РПЦ) проблема оценки петровских реформ неактуальна. В результате критические оценки фигуры Петра I можно найти только у отдельных исследователей. Причем у многих историков блеск побед под Полтавой и мысом Гангут, как правило, полностью затмевает бездарность и жестокость Петра как в экономике, так и в гражданском управлении.

¹ При всей спорности фигуры Б. Н. Ельцина, его рыночные преобразования — либерализация, переход к плюрализму форм собственности с доминированием частной собственности, реализация многопартийности, мирное сохранение федерализма (за одним драматическим исключением — войны в Чечне) оказались на удивление устойчивыми. Оценки этого выдающегося политического деятеля были бы, видимо, намного более позитивными, если бы не его участие в деятельности ЦК КПСС и Политбюро, которая в 1980-х гг. способствовала распаду СССР и созданию тех самых многочисленных и тяжелых проблем, с которыми в 1990-е гг. пришлось столкнуться населению России и самому Б. Н. Ельцину.

То, что выше сказано в отношении Петра I, в свою очередь объясняет и непопулярность Александра II. В ответ на освобождение крестьян и постепенную либерализацию политического режима, включая подготовку конституции, интеллигенция предприняла множество попыток убить этого монарха, одна из которых увенчалась успехом. Выигравшие от реформ Александра Освободителя исчезли уже в советский период — за характерным исключением потомков народников, которые победили уже в 1917 г. Признание успешности реформ Александра II означало бы одновременное признание исторической вины интеллигенции за последующую кровь и ужас революции и Гражданской войны, что было неприемлемо как в рамках гражданской религии марксизма, так и в рамках сегодняшнего либерально-патриотического мифа. И это постоянно подтверждается и практикой проводимых научных конференций, и созданием сегодняшних политических символов, апеллирующих к исторической памяти российских акторов (как электората в целом, так и его отдельных групп, и самих политиков).

Сакральность образа Петра, которая является свойством современных когнитивных структур российских политиков (и политических философов), историков, социологов, да и экономистов, является весьма опасной. Так, например, печальным, но закономерным результатом петровского мифа было помещение его на логотип «Демократического выбора России». При этом вряд ли Е. Гайдар хотел продемонстрировать склонность своей партии к жестокости и презрению к народу. Наоборот, фигура Петра, по-видимому, должна была свидетельствовать о «европейском выборе» упомянутой партии. Однако выводы электората, а заодно и последующие результаты этой партии известны. При этом стоит оговориться — я уверен, что партию, которая поместит на свой логотип И. Сталина, ждет в будущем то же самое.

Сакральность фигуры Петра играет с российскими учеными дурную шутку, когда речь идет о содержании нынешних модернизационных мероприятий. Это и уверенность в предопределенности российской ориентации на Запад, и вера в результативность жесткого бюрократического регулирования, включая сегодняшнее навязывание рейтингов и кипийай, и характерный отбор политиков и бизнесменов в обход квалификационных социальных фильтров, по принципу личной лояльности (своеобразный «эффект алексашки меньшекова»). Если уж говорить об актуальности реформ Петра I для современной России, то практически все они должны иметь *обратный знак*:

- 1) если переносить столицу (учитывая дороговизну этого мероприятия, целесообразность этого находится под большим вопросом), то переносить ее надо на восток, а не на запад;
- 2) в отношении «административной реформы» — не «плодить коллегии», но сокращать администраторов. Особенно это относится

к аналогу «Преображенского приказа» — различным охранным службам;

- 3) не увеличивать фискальное бремя на бизнес (включая косвенные налоги «на соль» или «медь»), а снижать;
- 4) не закреплять уже существующие в РФ социальный расизм и неравенство, но добиваться увеличения эгалитарности.

При этом главная опасность унаследованного от Петра российской элитой стиля мышления состоит сейчас в технократическом подходе к модернизации. Строительство кораблей из сырого дерева, которое сопровождалось увеличением фискальной нагрузки и закрепощением крестьян, очень напоминает российские лозунги последних двух десятилетий — нам нужно переходить к пятому (шестому) технологическому укладу, увеличивать прямое бюджетное финансирование «инноваций». Мнимая простота решений — добиться роста количества программистов при сокращении юристов и экономистов, обеспечить экономику собственными процессорами и электронными компонентами, сократить производство сырья и энергии, отказаться своих «неконкурентоспособных» гражданских самолетов и легковых автомобилей, поскольку здесь отстали навсегда — это и есть наивный «петровский» тип мышления. Поэтому главное, что необходимо — это избавиться от прожектерства, привитого интеллигенции Петром и успешно дожившего до нынешнего времени. Тогда станет возможным более объективный взгляд на проектирование экономики России, включая и ее новый институциональный дизайн.

Список литературы

- Агамбен, Дж. (2011). *Ното Sacer. Суверенная власть и голая жизнь*. М.: Европа.
- Бьюкенен, Дж., & Таллок, У. (1997). Расчет согласия. Логические основания конституционной демократии. *Бьюкенен Дж. Сочинения*. М.: Таурус Альфа, 31–206.
- Дерлугьян, Г. (2009). А нужен ли был Пиночет? *Эксперт*, 28.12, 78–83.
- Джентиле, Э. (2021). *Политические религии. Между демократией и тоталитаризмом*. СПб.: Владимир Даль.
- Нефедов, С. А. (2011). *История России. Факторный анализ*. Т. 2: От окончания Смуты до Октябрьской революции. М.: Издательский дом «Территория будущего».
- Норт, Д., Уоллис, Д., & Вайнгафт, Б. (2011). *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. М.: Изд. Института Гайдара.
- Олсон, М. (2013). *Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция и социальный склероз*. М.: Новое издательство.
- Олсон, М. (1995). *Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп*. М.: Фонд экономической инициативы.
- Сен, А. (2016). *Идея справедливости*. М.: Изд-во Института Гайдара, Фонд «Либеральная миссия», 2016.
- Фегелин, Э. (2021). *Новая наука политики. Введение*. СПб.: Владимир Даль.
- Фурман Д. Е. (2011). Сталин и мы с религиозно-философской точки зрения. *Фурман Д. Е. Избранное*. М.: ИД Территория будущего, 262–298.

Nove, A. (1964). *Was Stalin Really Necessary? Some Problems of Soviet Economic Policy*. London: Routledge.

References

- Agamben, J. (2011). *Homo Sacer. Sovereign power and bare life*. M.: Europe.
- Buchanan J., & Tulloch W. (1997). Calculation of Australia. Logical foundations of constitutional necessity. *Buchanan J. Works*. M.: Taurus Alfa, 31–206.
- Derlugyan, G. (2009). Was Pinochet necessary? *Expert*, December 28, 78–83.
- Fegelin, E. (2021). *The New Science of Politics. Introduction*. St. Petersburg: Vladimir Dal.
- Furman, D. E. (2011). Stalin and we from a religious point of view. *Furman D. E. Selected*. M.: Territoriya budushchego, 262–298.
- Gentile, E. (2021). *Political religions. Between democracy and totalitarianism*. St. Petersburg: Vladimir Dal.
- Nefedov, S. A. (2011). *Russian history. Factor analysis*. Vol. 2: From the end of the Troubles to the October Revolution. M.: Territoriya budushchego.
- North D., Wallis D., & Weingast B. (2011). *Violence and social orders. Conceptual framework for combining human history*. M.: Ed. Gaidar Institute.
- Nove, A. (1964). *Was Stalin necessary? Some problems of Soviet economic policy*. London: Routledge.
- Olson, M. (1995). *The logic of collective action. Public goods and group theory*. M.: Fund for Economic Initiatives.
- Olson, M. (2013). *The Rise and Fall of Nations. Economic growth, stagflation and social sclerosis*. M.: New publishing house.
- Sen, A. (2016). *The idea of justice*. M.: Gaidar Institute Publishing House, Liberal Mission Foundation.